

Елена Мушкина: «Конечно, это было счастье – работать в «Московском Комсомольце»»

Рассказывает Елена Мушкина, заслуженный работник культуры, лауреат премии Союза журналистов СССР, лауреат премии Союза журналистов Москвы, член Союза писателей Москвы. Работала в «МК» с 1957 по 1965 гг.

Конечно, это было счастье. Во-первых, счастье работать в «Московском комсомольце», одной из лучших газет страны. Во-вторых, работать в 60-е годы – «оттепель», физики и лирики, шестидесятники. В-третьих, работать с редактором Алексеем Флеровским.

А счастье было так возможно... Честно говоря, я не верила в это: долго не могла устроиться на работу. Постаралась бабушка, машинистка Всесоюзного радио. Цвет журналистов-международников: Валентин Зорин, Виктор Шрагин, Геннадий Дейниченко... Однажды попросила:

– Помогите моей внучке!

Помогли. Отправили в газету «Московский комсомолец». Телефон дали – Беник Гургенович Бекназар-Юзбашев. Еле выговорила.

– Практику в какой газете проходили?

– Не в газете! В школе! Творчество Пушкина.

Засмеялся:

– Мушкина, Пушкин... Ладно, идите в отдел информации, там все начинают.

В отделе информации три человека: Виталий Алексеевич Мальков, заведующий, Эдик Графов и Таня Снегирева, литсотрудники. Еще был Юрий Иванович Синютин, он отвечал за спорт. И снова вопрос:

– Что вы умеете?

– Ничего.

Это была правда. В школе о журналистике и не помышляла. Дважды поступала в медицинский, потом оказалась на филфаке МГУ.

Фото: Из личного архива 1960 г. У входа в редакционное здание. Е. Мушкина (вторая слева), В. Шляхтерман (третьи́ слева).

Дело было в 1957 году. Всемирный фестиваль молодежи и студентов, перед ним Спартакиада народов СССР. Журналисты крутились как белка в колесе. В общем, я была на побегушках, составляла какие-то списки, что-то проверяла, кого-то встречала. Смотрела, слушала. Гранки, верстка, набор – все это в диковинку. А еще «подвал», «чердак»... О «компоте» уже и не говорю – не сразу поняла, что не надо бежать за ним в столовую.

Сотрудники в основном молодые. Очень удивилась, когда увидела человека в возрасте моей бабушки. В берете, с большой бородой, как у Льва Толстого. С ним все здоровались, улыбались.

Оказалось, Дмитрий Павлович Зуев, известный на всю Москву натуралист. Его коротенькие «Заметки фенолога» печатались в «Вечерней Москве», иногда в «Московской правде». Кое-что оставалось и для «Московского комсомольца».

Еще помню в эти первые дни дядю Сашу Костюковского – так он представился. Тоже далеко за 60. Кабинета у него не было, сам заходил всюду. Если видел, что отвлекает от работы, тихонько закрывал дверь. Друг редакции... Приходил почти каждый день, что-то рассказывал. Кажется, привозил фильмы для просмотра. Познакомилась и с секретаршами: Надя Митяева, в сильных роговых очках, и Аня Логинова. Они работали по сменам, сидели в приемной главного редактора.

Редактором тогда был Александр Михайлович Субботин. Через несколько месяцев ушел, сначала в «Московскую правду», потом в «Труд», перетащил с собой многих. Его сменил Михаил Алексеевич Борисов. В отделе информации тоже перемены: вместо Малькова появился Борис Евсеевич Иоффе.

фото: Из личного архива. Редакционное удостоверение образца 1959 г.

Борис Евсеевич обладал бесценным даром – собирать под свое крыло внештатников, ничего не умеющих, не понимающих. И делать из них журналистов. Маленький, с коротенькими ручками-ножками, с плохой дикцией, он был высокоинтеллигентным человеком. Окончил какой-то театральный институт. Семьи, детей не было.

Семьей была редакция.

– Здрасьте, здрастьте, – говорил он, стремительно входя в комнату, где в ожидании томилось около десятка внештатников. И сразу все приходило в движение. Мы любили его. В канун дня рождения головы ломали: что подарить? Отправили Валерку Сивакова часы покупать. Он и надпись сделал: «От всей оравы. В пределах гонораров».

Вот что вспоминал о том времени сам Борис Евсеевич в 1969 году («Спецвыпуск «МК»): «Трудно гонорарщику. И кажется ему иной раз, что так будет вечно. Зарабатывает немного, и не суждено ему, бедному, добраться до газетного олимпа. Наверно, так думали те, кто робко переступил порог нашей редакции лет десять назад. Валя Иванова в толстой и немодной (!) кофте, с ненакрашенными губами – она писала сначала вовсе не о кино, а о студенческих комсомольских группах. Сережа Есин – первая его заметка состояла всего из четырех фраз, да и те представляли собой цитаты. Миша Шпагин, который и не помышлял тогда об отращивании усов...

Прошло десять лет. Кем же стали наши гонорарщики образца 1959 года? В.Иванова – ответственный секретарь еженедельника «Советское кино», С.Есин (он же Зинин) – ответственный секретарь журнала «Кругозор», Ю.Скворцов – заведомом журнала «Юный техник», И.Симанчук – комментатор Всесоюзного радио, В.Минаева – литсотрудник журнала «Вожатый», А.Пистунова – заведомом «Литературной России»... Так что выше нос, гонорарщики-1969. Все у вас впереди!»

Тему эту продолжает Сергей Есин в 2017 году на страницах «Литературной России»: «...Я забежал к своей давней приятельнице Елене Мушкиной. С нею мы начинали в журналистике в «Московском комсомольце», может быть, даже раньше, чем просто пятьдесят лет назад. Она старательно, как человек более опытный, правила мои грамматические ошибки. Вообще тогда у Бориса Евсеевича Иоффе компания собралась знатная, в этом отделе я, кстати, познакомился со своей будущей женой. В литературу из этого птичника вышло довольно много людей с именами».

Наконец, лед тронулся. Первое мое задание – написать о преподавателе Тимирязевской академии Евгении Хлебутине. Не об учебном заведении, уточнил редактор, а конкретно о данном человеке. Видимо, указание сверху.

– Очерк? – с замиранием сердца спросила я.

– Нет, зарисовку.

Что такое зарисовка, я не знала.

Удостоверения у меня не было, поэтому в редакции дали бумажку-поручение. Сколько таких поручений скопилось в доме!

Евгений Борисович Хлебутин оказался аспирантом, очень приятным, вежливым; одновременно уже преподавал. Рассказал о своей работе, охотно отвечал на все вопросы. Со стыдом вспоминаю, что было дальше. Текст, который я написала, Борис Евсеевич забраковал. Потом забраковал и пятый вариант, и десятый... Столько же раз – пять, десять – я снова приезжала в академию. Святой человек Евгений Борисович – терпел, улыбался!

Терпел и Иоффе. Много позже признался:

– Решил: если опять не получится, посоветую идти в школу. Пушкина преподавать...

В переводе на русский язык – выгоню. Не выгнал! Вымученный материал все же увидел свет. Правда, это был не очерк, даже не зарисовка. Расширенная подпись под клише...

Внештатников у Бориса Евсеевича много. А штатный сотрудник всего один – Володя Коненко, Владимир Емельянович. Парень с какой-то изломанной судьбой, нервный, одинокий, обидчивый. Жил с отцом. Я сравнивала его характер с кочаном капусты – верхние листья плохие, а кочерыжка отличная. Но пока-то до нее доберешься...

Была в отделе еще одна ставка, вакантная. И... меня на нее

берут!!! Впрочем, нет, берут на полставки. Естественно, работала не четыре часа, а с утра до вечера. Мама удивлялась-возмущалась: «Разве так можно?!»

Можно. Зато теперь у меня свой стол, телефонный аппарат, перекидной календарь. И удостоверение! Несколько удостоверений сохранились. 1959 год, 1964-й, 1965-й... Подписи редакторов – М.Борисов, А.Флеровский. А при продлении их подписывал заведующий редакцией Юрий Николаевич Бовыкин. Сколько добрых дел он для меня сделал!

Ну а вторая моя половинка – Эдик Хруцкий. «Как денди лондонский одет...» Высоченный красивый парень, раскованный, самовлюбленный, вальяжный. И работал так же вальяжно. Бывало, утром должен принести заметку. Борис Евсеевич нервничает, на часы поглядывает: материал в номер. Наконец, появляется. «Написал?» – «Конечно!» В один карман руку засунет, в другой... «Ох, забыл дома. Да не волнуйтесь, сейчас все и напишу». Ясно: вчера забыл или было не до газеты. Но действительно, сиделся – и через полчаса все готово!

Эдуард Анатольевич Хруцкий работал у нас недолго. Писатель, мастер детектива, кинодраматург. Автор телесценариев «По данным уголовного розыска», «Приступить к ликвидации». В последние годы часто встречала его около дома, в районе Патриарших прудов.

– Что ты здесь делаешь?

– Фильм новый снимаю. Так и называется «На углу у Патриарших».

Рассказал, что переехал в Дом на набережной, в квартиру, где раньше жил Василий Сталин.

После ухода Хруцкого второй моей половинкой стал Саша Колодный (не путать со Львом Колодным – однофамильцы). Отец работал в «Вечерке», спортивный журналист Герман Александрович. Саша сменил много мест работы, в конце 90-х руководил газетой «Век». Когда «Неделю» закрыли, я пришла к нему...

Постепенно набиралась ума-разума, хотя неудачи, конечно, бывали. Получила задание – написать о номере 107 гостиницы «Националь», где весной 1918 года останавливался Ленин, после переезда правительства в Москву. Третий этаж, две комнатки...

– Скучно, неинтересно, – расстроился Б.Иоффе. – Всего-то две странички... Покажите Володе Кривошееву, в соседней комнате: он ведет следующий номер.

Кривошееву заметка тоже не понравилась.

– Переписывай, приноси утром. Успеет в номер.

Всю ночь мы с мамой переписывали. Утром дрожащими руками протягиваю текст Кривошееву:

– Вот, переделала.

– Молодец. Но, знаешь, вечером я посидел немножко над твоим текстом, подправил... В общем, иди читай гранки.

Таким он был всегда, Владлен Михайлович Кривошеев!

Спорт и наука тоже в нашем отделе. Помню Георгия Суркова. Красавец, атлетическая фигура, мастер спорта. При этом застенчивый и румянец во всю щеку. Стал известнейшим спортивным комментатором радио, в основном – академическая гребля, лыжи и биатлон. Рано ушел из жизни. А Костя Есенин, молчаливый, скромный, близорукий, сын Сергея Есенина, отлично разбирался в шахматах и футболе.

Научная тематика была в загоне. На короткое время появился Леня Шароль (не путать с Сашей Шерелем, доктором искусствоведения), а потом, конечно, Юрий Дружников (Альперович). До этого писать о науке приходилось всем, в том числе и мне. Это было ужасно.

В 1958 году создано Сибирское отделение Академии наук СССР.

Новосибирск стал центром отечественной науки. Возглавил отделение академик Михаил Алексеевич Лаврентьев. Период организационный, поэтому часто приезжал в Москву. Повезло – дозвонилась. Назначил встречу: Ленинский проспект, 13, академический жилой дом. Поговорили, все записала. Приезжаю визировать.

Прочитал два первых абзаца... Вскочил из-за стола, кулаком стукнул. По-моему, он готов был растерзать меня.

– Да вы же ничего не понимаете! Как посмели прийти ко мне!

– Михаил Алексеевич, читайте дальше. Эти абзацы можно переделать. Да и вообще можно их выбросить.

В результате выбросил не гранки – меня. Спустил с лестницы...

Материал запланирован в номер. Как сказать Иоффе?! Судорожно листаю справочник Академии наук – фамилии тех, кто переезжает в Новосибирск. Выбираю методом тыка... Если не ошибаюсь, это был академик Решетняк. Надо попробовать...

Запинаясь, озвучиваю (ненавижу это модное теперь слово) только что придуманную версию: мол, задание поступило поздно вечером, срочное, звонить не успели, я сама написала текст ночью... Теперь надо поставить фамилию того, кто будто бы дал интервью.

– Можно прочитаю текст? Тут немного.

Послушал, остался доволен. Разрешил поставить свою подпись.

Я боялась, что опубликованное интервью прочитает академик Лаврентьев. Скандал мог устроить грандиозный. А потом успокоилась: он ведь прочитал всего два первых абзаца! Я их предусмотрительно изменила...

Еще помню конференцию молодых ученых-химиков Бауманского района. Куратор – комсомольское начальство, Борис Николаевич Пастухов. Задание ответственное.

Сижу, слушаю, ничего не понимаю. Как будто говорят по-китайски. Тогда еще не было не только мобильных, но и диктофонов. Так и открыт блокнот...

В перерыве протискиваюсь к столу ведущего. Николай Николаевич Семенов, нобелевский лауреат, – да разве будет он со мной разговаривать!

– Меня уволят... Я журналист... Пожалуйста.

Посмотрел внимательно:

– После окончания не уходите. Я к вам подойду.

Подошел! Сели мы в уголочке большого зала. За 15 минут все и рассказал.

Приближался День Военно-воздушного флота, 1958 год. На празднике впервые будет головокружительный номер – гимнаст на вертолете. Материал надо писать заранее, чтобы был в праздничном номере.

Пилот Азис Касеевич Авидзба, первый летчик Абхазии, недавно установил мировой рекорд скорости. Опять же договорились: привезу гранки. Вообще я всегда старалась визировать – зачем краснеть за ошибки, выговор получать? В общем, будет ждать на летном поле. Пообещал, что полетаем на вертолете. Разрешил взять с собой подругу – место есть.

– Сегодня уйду пораньше, – говорю Борису Евсеевичу. – Гранки повезу Авидзбе.

И слышать ничего не хочет:

– В отделе много работы. Поедете в другой раз. Ну и что, что с подругой договорились? Ну и что, что ждать будет?

Поздно вечером звонок от Бориса Евсеевича:

– Слава богу, вы дома! На аэродром не ездили?

– Вы же не разрешили!

– Спасибо мне скажите!

Оказалось, Авидзба действительно ждал нас, а потом посадил двух девушек, проходивших мимо.

Вертолет налетел на провод. Все погибли. Конечно, радовалась спасенной жизни. Жалела погибших, жалела, что на празднике не будет этого удивительного номера.

А еще жалела: осталась без гонорара...

Елена Мушкина